

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Величко А.К. Хрущевская Оттепель как метафора: анализ языковых механизмов конструирования образа эпохи // Философская мысль. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.77166 EDN: YAFIXX URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=77166](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77166)

## Хрущевская Оттепель как метафора: анализ языковых механизмов конструирования образа эпохи

Величко Анна Константиновна

аспирант; кафедра философии и культурологии; Волгоградский государственный социально-педагогический университет заведующий экспозиционным отделом; Волгоградский музей изобразительных искусств им. И. И. Машкова

Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, д. 179-37

✉ annaboikoo@mail.ru



[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.12.77166

**EDN:**

YAFIXX

**Дата направления статьи в редакцию:**

07-12-2025

**Аннотация:** В работе анализируются метафорические модели, концептуализирующие период хрущёвской Оттепели как социокультурный феномен. Языковой материал, рожденный эпохой и вариантами ее номинации в культурном дискурсе, рассматривается как вместилище фундаментальных культурных ценностей и ментальных характеристик советского общества конца 1950–1960-х гг. Признается, что метафорика Оттепели напрямую связана с менявшимся мироощущением советского человека, его откликом на относительную либерализацию общественно-политической жизни после событий 1953–1956 гг. В осмыслиении Оттепели как социокультурного феномена фиксируется несколько устойчивых метафорических моделей, наиболее распространенной среди которых признается метафора «Оттепель – период советской истории». Её анализ позволяет утверждать, что чуткие к культурным трансформациям представители советского общества ассоциировали перемены в культуре с концептом «оттепель» и метафорикой оттаивания культурного ландшафта. Ключевым аспектом для идентификации эпохи и конструирования ее образа в общественном сознании обозначаются внутренние

противоречия периода, проявленные и в его номинации. В качестве методов исследования были использованы анализ метафорических моделей, контекстуальный и дискурс-анализ, элементы лингвокогнитивного подхода, герменевтический анализ. Инструментарий теории концептуальной метафоры позволил применить новые подходы к философскому осмыслению языкового материала изучаемой эпохи. Выводы публикации свидетельствуют о релевантности анализа языковых выражений для установления механизмов, используемых обществом и человеком в процессе постижения действительности и объяснения "природы" социокультурных явлений. Так, метафорика Оттепели демонстрирует концептуализацию советским обществом социально-политических явлений второй половины 1950–1960-х гг. в терминах, связанных с природными процессами оттаивания, приходом нестабильного тепла и повышением температурных значений, а значит более комфортными и безопасными условиями человеческого существования. Метафора в данном контексте выступает способом рефлексии и, как результат, вербализации ощущений перемен в социально-психологическом климате постсталинского периода советской истории через концепты и образы, ассоциируемые со сменой сезона во временном цикле.

#### **Ключевые слова:**

оттепель, образ эпохи, концептуальная метафора, философский дискурс, мировоззрение, языковые единицы, языковые механизмы, коллективное сознание, советская культура, период хрущёвской Оттепели

*Поступки и судьбы рифмуются, прежде чем стать языком. Андрей Вознесенский*

Идея о том, что социокультурная действительность может быть осмысlena путем анализа языковых единиц, развивается в гуманитарной науке на протяжении последних ста лет западными и отечественными лингвистами, культурологами, социальными антропологами и философами. Вопрос «Могут ли ключевые слова стать средством к пониманию той или иной культуры?» по-прежнему остается актуальным. Признавая, что язык чутко реагирует на существенные изменения в культуре, мы видим в анализе языкового материала потенциал для исследования ментальных характеристик исторически сложившихся обществ - их базовых ценностей, мировоззренческих установок, способов мышления, представленных в виде вербализованных ментальных конструктов и структур (концептов, когнитивных метафор, фреймов и т.д.) [\[4, с. 12\]](#).

Значительный вклад в научный дискурс о взаимосвязи языка и образа человеческого мышления в XX веке был внесен представителями школы когнитивной лингвистики, в частности, сторонниками теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Ими провозглашалось единство языка и ментальной организации общества. В рамках предложенного подхода «язык становился источником сведений о мышлении, получал статус «окна» в человеческое сознание (mind), языковые структуры выступали материалом для рассуждений о ментальных презентациях (ментальные модели Ф. Джонсона-Лэрда, ментальные пространства Ж. Фоконье, идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа, образные схемы М. Джонсона и др.) [\[15, с. 27\]](#).

Принимая во внимание утверждение, что «языковая способность – это проявление общих когнитивных механизмов», мы вслед за исследователем Т.Г. Скребцовой полагаем, что при помощи языка можно изучать человека и порождающую его творческую деятельность культуру [\[15, с. 34\]](#). Анализ концептуальных метафор позволяет

на основе языкового материала делать выводы о структурах сознания носителей определенного мировоззрения, культурной парадигмы, культурного или ментального кода. Метафорические выражения при таком подходе признаются важным инструментом исследования понятийной системы человека. Т.Г. Скребцова поясняет (со ссылкой на программный труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»): «Регулярность использования определенных образов применительно к описанию того или иного явления позволяет сделать вывод о наличии в сознании носителей языка соответствующей концептуальной метафоры: «Так как метафорические выражения в языке системно соотнесены с метафорическими концептами, мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности» [\[15, с. 44\]](#).

Анализ концептуальных метафор соотносится с общим методологическим принципом когнитивной лингвистики: в первую очередь, предметом изучения выступают языковые значения. Этим обусловлено стремление ученых дать объяснение тому, как возникает языковой материал культуры, предложить интерпретацию как можно большему числу языковых форм, поскольку признается, что языковые формы детерминированы тем, как человек понимает окружающий мир [\[15, с. 37\]](#).

Инструментарий теории концептуальной метафоры вполне применим и в исследованиях с философской проблематикой, так как предлагает подходы к теоретическому осмыслению метафорических моделей, используемых обществом и человеком для достижения действительности и объяснения окружающих его явлений. В настоящем исследовании мы будем использовать в качестве методов анализ метафорических моделей, контекстуальный и дискурс-анализ, элементы лингвокогнитивного подхода, герменевтический анализ.

Авторы книги «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон, рассуждая о частоте употребления метафорических понятий обществом, приходят к выводу, что «метафора влияет на процесс принятия решений в проблемных ситуациях, поэтому количество метафор должно возрастать в периоды общественно-политических и экономических кризисов». Данный вывод подтверждается эмпирически - материалами исследований мировых политических дискурсов [\[7, с. 17\]](#).

Мы убеждены, что для отечественной культуры в XX веке период хрущевской Оттепели стал одним из наиболее кризисных, поскольку был ответом на запрос о пересмотре казавшейся до 1953 года устойчивой мировоззренческой модели сталинского периода. Идеологический кризис конца 1950-х гг. хорошо описан в книге А. Гениса и П. Вайля «60-е. Мир советского человека»: «XX съезд отнял у людей идеалы <...> священное имя Сталина, «вождя и вдохновителя всех побед», было дискредитировано. Страна пребывала в неясном томлении – без опоры, без веры, без цели. Со страной поступили нечестно, сказав как не надо, а как надо – не сказав». По мнению авторов, универсальный инструмент вывода советского общества из кризисного состояния появился в 1961 г. в виде Программы КПСС – «терапевтического» текста, дающего советскому гражданину надежду на коммунизм через 20 лет [\[3, с. 13\]](#). Нельзя не учитывать, что определенное время кончина «вождя народов» воспринималась в советском обществе как болезненная потеря символа былого миропорядка, травмирующее историческое событие. Исследователи сходятся во мнении, что одной из функций образа Сталина в советской послевоенной культуре было замещение отцовской фигуры для тех, кто был лишен главы семьи в 1930-1940-е гг. В конце 1940-х – начале

1950-х гг. этот образ оформился как аллегория патерналистского государства. [\[14, с. 101\]](#). Воспоминания литературного критика И.А. Дедкова, в 1950-е гг. – студента МГУ, позволяют судить о настроениях московской студенческой молодежи в марте 1954 г.: «Когда имя Сталина исчезло со страниц газет – а оно очень быстро отовсюду исчезло, появилась уже и формулировка «культ личности», — тогда у многих людей, и особенно у молодых, не слишком много что зналось, было задето как бы чувство справедливости. Как же так?! То он заполнял собой все газеты, всё пространство, все на него молились... Вы же молились, все начальники, все руководители страны <...> а что теперь вы молчите?!» [\[18, с. 74\]](#). Таким образом, смерть Сталина, последовавшая за ней критика «культы личности» и десталинизация, в целом, вызвали в советском обществе противоречивый отклик на эмоциональном уровне, обозначили «точку бифуркации» в развитии советского государства.

Проблематика двойственности, «гибридности» культурных процессов 1953-1964 гг. (по другим оценкам – 1956-1968 гг.) и сегодня побуждает отечественных и зарубежных исследователей к изучению Оттепели. Историки, философы, политологи, языковеды, журналисты, искусствоведы обращаются к материалам и культурным текстам эпохи с определенной периодичностью. Исследовательский взгляд из третьего десятилетия XXI века позволяет говорить об относительном единодушии в оценке Оттепели как времени надежд советского общества на изменения в общественно-политической и культурной жизни, периода дискуссий о возможных путях развития советской культуры.

Метафорика Оттепели заслуживает отдельного внимания. Мы полагаем, что анализ метафорической модели «Оттепель – период советской истории» позволит выявить культурные ценности, проявленные (вербализованные) в метафорической структуре концептов данной эпохи, составить представление об образе данного периода в общественном сознании. К этой идеи нас подтолкнуло эмпирически подтвержденное утверждение Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что: «Фундаментальные культурные ценности глубоко коренятся в нашей культуре <...> Мы считаем, что те ценности, которые существуют в культуре, согласованы с системой метафор» [\[7, с. 46-47\]](#). Метафора – это способ постижения одной вещи в терминах другой, и, таким образом, ее основной функцией становится обеспечение понимания отдельных явлений [\[7, с. 62\]](#). Метафорический концепт «Оттепель – период советской истории» использует большинство исследователей для обозначения интересующего нас социокультурного феномена. В начале книги «Унаследованный дискурс...» языковед-рурист А. Прохоров отмечает, что многие авторы традиционно рассматривают это время как материализацию метафоры «таянье сталинских снегов» [\[13, с. 7\]](#). Искусствовед А. Бобриков в статье «Суровый стиль: мобилизация и культурная революция» пишет о воплощении метафорики Оттепели в живописных образах «весны и пробуждения природы – утреннего солнца и ветра, полуденного тепла и света (явлениях соотносимых с радостью существования)». Он сообщает, что иносказательно в этом контексте стоит воспринимать образы детства и юности, через которые раскрываются идеи открытости миру, надежды, радости, счастья – «носящих также чисто природный характер» [\[2\]](#). А.К. Якимович, анализируя советские креативные практики 1960-1980-х гг., пишет о том, что в сфере художественного творчества, начиная с Оттепели, «измерительным прибором, мерилом здоровья и болезни общества стала естественная органика в мироздании, энергетика природных стихий». Историк искусства констатирует: «Идеальные модели «естественности» и «природности» служили в качестве критерия или индикатора состояния [общественно-политической] системы. Такова была не единственная, но особо важная исследовательская стратегия, применявшаяся в разных видах искусства» [\[19, с.](#)

[\[4\]](#). Предложенная А.К. Якимовичем трактовка дает нам дополнительное основание для выделения метафорической модели «эпоха – это природное явление» или «эпоха – это время года», которой соответствует принятая номинация Оттепели как периода советской истории. Данный метафорический концепт структурирует социально-политическое явление в терминах, связанных с природными процессами оттаивания, приходом нестабильного тепла и повышением атмосферных температурных значений.

Очевидно, что метафорика Оттепели возникла на основании определенного мироощущения и мировосприятия советского человека.

С. Чупринин, исследователь Оттепели как культурного феномена, определил это время как «как эпоху всеобщего возбуждения и “движухи”» [\[8\]](#). В каталоге выставки «Оттепель», проходившей в Третьяковской галерее в 2017 г., куратор проекта, искусствовед К.А. Светляков обращает внимание на то, что «в воспоминаниях современников оттепель у каждого своя, и все сходятся разве что в описаниях атмосферы освобождения, чего-то неуловимого, что витало в воздухе» [\[12, с. 8\]](#). «Атмосфера освобождения» как нечто нематериальное, ощущаемое скорее на эмоциональном уровне человеческого опыта и ментальном уровне общественного сознания, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, будет концептуализироваться как социокультурное понятие в терминах материального мира, позволяющих представить явление более осозаемым и четким [\[7, с. 96\]](#).

Слово «оттепель» перешло в социокультурную сферу из образной системы художественного текста. В 1953 г. и 1954 г. под таким названием в журналах «Новый мир» и «Знамя», соответственно, были опубликованы стихотворение Н. Заболоцкого и повесть И. Эренбурга. И если метафорика поэзии Н. Заболоцкого, апеллируя к процессам обновления природы, скорому наступлению теплого времени года, не вызвала дискуссий (скорее всего потому, что созданный поэтом образ «безконфликтен», он замкнут на описании исключительно природных явлений – предвестников весны), то в повести И. Эренбурга метафора в названии претендовала на иносказательное описание актуальных времен жизненных обстоятельств и атмосферы, стоявшей за сюжетной линией «производственного романа». Сразу после публикации повесть критиковалась на официальном уровне: на Втором всесоюзном съезде советских писателей и в «Литературной газете». Писатель Д. Самойлов отмечал, что метафора в названии повести была расценена советской номенклатурной верхушкой как намек обществу – «реформы общественной жизни являются лишь началом, после оттепели нужно ожидать весны. <...> Власти же считали, что по линии общественных свобод сделано достаточно» [\[18, с. 90\]](#). Интересна оценка повести как явления скорее символического, данная писателем Р. Орловой в книге «Мы жили в Москве (1956-1980)»: «повесть И. Эренбурга – средне беллетристическое, газетно-злободневное произведение, давшее название целому периоду нашей истории» [\[11, с. 13\]](#). На наш взгляд, в этой оценке заложено понимание парадоксальности эпохи, проявленной даже в факте обретения Оттепелью своего имени. Р. Орлова как будто намекает на противоречивость и непредсказуемость той действительности, которая определила культурное ядро преобразований хрущевской оттепели.

Анализ метафорического концепта «Оттепель – период советской истории» позволяет сделать следующие выводы. Начало Оттепели связано с социокультурными потрясениями 1950-х гг.: кончиной «отца народов» И.В. Сталина в 1953 г., затем десакрализацией его власти, развенчанием «культы личности» в 1956 г., реабилитацией тысяч заключенных

сталинских лагерей. Попытки отрефлексировать эти события предпринимались советским обществом в условиях идеологического кризиса и культурной неопределенности. Сегодня большинству исследователей значимыми кажутся следующие обстоятельства, характеризующие эпоху: надежды общества на перемены и, одновременно, страх перемен в условиях идеологического контроля; непоследовательность реформаторского курса, проводимого «обновленным» составом партийного руководства; импульсивность и волюнтаризм Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС; разнонаправленность и масштабность культурных инициатив. По мнению критика М. Чудаковой, название повести И. Эренбурга дало имя этому неоднозначному периоду советской истории, поскольку содержало важный для описания «климата» эпохи смысловой оттенок – оттепель – «потепление временное, за ним, скорее всего, еще раз последуют заморозки» [12, с. 57]. И все же, в общественном создании культурная реальность конца 1950 – середины 1960-х гг. устойчиво ассоциируется с оптимистическими умонастроениями послевоенного поколения и «согревающими» своей искренностью художественными образами.

Поиски языкового выражения для идентификации советской действительности 1953–1964 гг. отчасти отталкивались от ориентационного метафорического концепта «тепло-холодно», основанного на идее концептуализации функционирования тела человека в определенной климатической среде. Телесный опыт подсказывал советской интеллигенции, что культура «постепенно оттаивает, приходит в движение под воздействием внешних вод». К схожему пониманию «чувствительности» общества в период Оттепели приходит литературный критик Л.Оборин: «изменения были ощущимы почти на физическом уровне: по словам писателя Льва Копелева, «когда начали публиковать в журналах, в газетах стихи о любви, о природе, о смерти, стихи, свободные от идеологии, это уже само по себе воспринималось нами как приметы духовного обновления» [10]. Летом 1953 г. историк С.С. Дмитриев давал оценку «общественному климату» в своем дневнике: «Перед грозой в последние минуты всё стихает. <...> Всё молчит. Всё ждет. Так и в общественной жизни сейчас. Всё тихо и всё в ожидании перемен, разрядов, новостей. Кратер дымится, но тих. И все ждут, надеются, мечтают. <...> Понимание невозможности делать то, что делалось. Непонимание, что же следует делать. Тупик прошлого очевиден. Но где же выход? Как вернуться к человеческой и общечеловеческой жизни?» [18, с. 41]. Примечательна дневниковая запись 1953 г., сделанная писателем К.И. Чуковским: «Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида. <...> Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик – потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать меня!» [17, с.155].

Следовательно, метафорика Оттепели напрямую связана с менявшимся мироощущением советского человека, его откликом на относительную либерализацию общественно-политической жизни. Культурные процессы концептуализировались участниками событий в терминах, связанных с более комфортным и безопасным для человека существованием. Метафорические модели «состояние общества – стадия природного цикла» или «мироощущение человека – природное явление» нашли отражение в художественной культуре Оттепели. Неслучайны названия произведений: «Времена года» (роман В.Пановой), «Весна на Заречной улице» (кинофильм, режиссеры Ф. Миронер и М.Хуциев), «Неповторимая весна» (кинофильм режиссера А. Столпера), «Июльский дождь» (кинофильм М. Хуциева), «Листопад» (кинофильм О. Иоселиани), «Бабье лето» (песня Т. Марковой на стихи И. Кохановского, исполнитель – К.

Шульженко), «Солнцем опьяненный» (песня А. Бабаджаняна на стихи А. Горохова, исполнитель – М. Магомаев), «А снег идет» (песня А. Эшпая на стихи Е. Евтушенко, исполнитель – М. Кристалинская), «За туманом» (песня Ю. Кукина на мелодию В. Пандзути), «Ливень» (картина Ю. Пименова), «Весна в депо» (картина В. Попкова), «Скоро лето» (картина Т. Яблонской) и др. В визуальных искусствах сквозной темой (и метафорой) эпохи стал мотив весеннего обновления.

Помимо метафорической модели «Оттепель – период советской истории» существуют иные синонимичные метафорические концепты, употребляемые в современных научных дискурсах для описания рассматриваемой культурной микро-эпохи. В искусствоведении и культурологии ряд исследователей обозначает период Оттепели как эпоху «ренессанса» в советской культуре (возможные вариации метафоры: «ренессанс» в советском киноискусстве, «авангардный ренессанс», «творческий ренессанс» т.п.). Понятие Ренессанса концептуализируется через идею «восстановления в обществе (после периода «упадка») не заслуженно забытых социокультурных норм» [\[9, с.151\]](#). В советском обществе конца 1950-1960-х гг. через романтизацию революционных событий 1917 г. провозглашалось возвращение к подлинным «ленинским нормам», «коллективистскому характеру революционного творчества» [\[3, с. 68-78\]](#). А. Генис и П. Вайль так описывают ситуацию ревизии ценностей: «Страна заново изучала революцию, мучительно пытаясь понять – как вышло, что легко и искренне начатое дело перешло в угрюмый кровавый обман».

В свою очередь, отечественные кинокритики и киноведы при использовании метафорической модели «Оттепель – советский Ренессанс» акцентируют внимание на появлении нового типа творческой личности среди режиссеров-, сценаристов- и актеров-шестидесятников, которые, по оценкам современников, «создали шедевры кинематографа и тем самым вернули советскому киноискусству статус мировой кинодержавы» [\[16\]](#). Исследователи также отмечают, что сюжетные линии кинофильмов стали строиться вокруг рассказа о конкретной личности. Это позволяет говорить о культурном повороте к проблеме индивидуальности, «сопоставимом с открытием человека в искусстве Возрождения» [\[6, с.170\]](#).

В зарубежной историографии о советском послевоенном обществе выходят исследования, ориентированные на поиск новых способов интерпретации явлений советской истории и культуры. Интересен подход, наследующий идеи Ф. Вовеля о «самодостаточности» каждого исторического события. Сторонники такого видения предлагают изучать культуру через «событийную историю», когда в центре внимания исследователя оказывается «короткая временная рамка, «разрыв преемственности», «constitutive events» [\[6, с.164\]](#). В 2013 г. в Канаде вышла коллективная монография «Оттепель»: Советское общество и культура в 1950-е и 1960-е гг.», авторы которой концептуализировали Оттепель как отдельное событие советской истории. Составители монографии предлагали вместо «Периода Оттепели» говорить о «Событии Оттепели» (the Thaw as an Event) как последовательности конкретных исторических фактов, изменивших культурный и общественный ландшафт Советского Союза» [\[6, с.164\]](#). «Короткая» эпоха тепла получала статус «определенного момента» длительного периода советской истории, начавшегося со смерти И.В. Сталина и закончившегося распадом Советского Союза [\[1, с. 323\]](#).

Несмотря на все «всплески интеллектуальных и политических волнений», ряд современных авторов определяет время Оттепели как «благополучное и по-своему

спокойное» [12, с. 54]. Исследователи исходят из оценки эпохи как периода масштабных культурных достижений советского общества, ориентированного на творческое созидание. В этом контексте, в научных текстах по социологии, политологии и философии встречается трактовка эпохи как «золотого века» социального государства и «эры обоснованного оптимизма» [там же]. Данная метафорика определяет Оттепель как модель идеализируемого прошлого, связывает с образами счастливого человеческого существования. Использование метафорической модели «Оттепель – золотой век» запускает социокультурные процессы по романтизации эпохи и укрепляет «миф о красивом, справедливом и трагическом прошлом» [5, с.13]. Апеллируя к светлым образам вечной юности и весны, данная метафорика структурирует дискурс об Оттепели как притягательном и вселяющем оптимизм культурном феномене. Это неизбежно стимулирует устойчивый интерес широкого круга исследователей к проблематике Оттепели и задает определенную оптику ее восприятия.

На основе анализа языковых выражений, посредством которых концептуализируется период хрущёвской Оттепели в гуманитарном знании, можно сделать следующие выводы. Метафорика эпохи тесно связана с мировоззрением советского общества 1950-1960-х гг., сформированным под воздействием непоследовательной реформаторской политики 1953-1964 гг. в культурной и общественно-политической жизни. В осмыслении Оттепели как социокультурного феномена выделяется несколько устойчивых метафорических моделей. Одна из наиболее распространенных в научном дискурсе – «Оттепель – период советской истории». Её анализ позволяет утверждать, что начиная с 1953 г. чуткие к изменениям в культуре представители советской интеллигенции, и общества в целом, ассоциировали менявшуюся на глазах действительность с концептом «оттепель» и метафорикой оттаивания культурного ландшафта. Ключевым аспектом для идентификации эпохи и сегодня остаются ее внутренние противоречия, однако, в общественном сознании культурная реальность конца 1950 - середины 1960-х гг. по-прежнему устойчиво отождествляется со светлыми оптимистическими образами, вселяющими надежду на культурное обновление.

## Библиография

1. Богомазов Н. И. Рецензия на сборник "The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s" // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 323-327. EDN: SKAKZB.
2. Бобриков А. А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. 2003. № 51-52. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/57/article/1137>. Дата обращения: 01.11.2025. EDN: WBTKBB.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. EDN: SUMHVV.
5. Кизевальтер Г. Время надежд, время иллюзий. Проблемы истории советского неофициального искусства. 1950–1960 годы: Статьи и материалы / Сост. и подгот. текстов Г. Кизевальтера. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 560 с.
6. Козлов Д. [Рецензия на:] Оттепель: советское общество и культура в 1950-х и 1960-х годах / Д. Козлов, Э. Гилберд (ред.). Univ. of Toronto Press // Pro et Contra. 2016. Т. 18. № 3-4. С. 164-172.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. EDN: QRAADX.

8. Лукьянин В. "А время? Время движется рывками..." Полумемуарные заметки на полях книги Сергея Чупринина "Оттепель: события". Журнал "Урал". 2021. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2021/2/a-vremya-vremya-dvizhet-sya-ryvkami.html>. Дата обращения: 11.11.2025.
9. Норманская А. В. Понятия "ренессанс" и "неоренессанс": сущность, содержание, границы значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 150-157. EDN: PJMYGZ.
10. Оборин Л. Шестидесятники: громкие и тихие. Курс "История русской поэзии". URL: <https://polka.academy/materials/965>. Дата обращения: 11.11.2025.
11. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. 447 с.
12. Оттепель / Гос. Третьяковская галерея. М., 2017. 720 с.
13. Прохоров А. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе "оттепели". СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2007. 344 с.
14. Светляков К. А. Советская культура. От большого стиля до первых рейвов. М.: МИФ, 2025. 304 с.
15. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Языки славянской культуры, 2018. 392 с.
16. Чернышова М. Эхо "оттепели" огромно... Из стенограммы "круглого стола" // Киноведческие записки. 2006. № 77. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/1019/>. Дата обращения: 11.11.2025.
17. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 640 с. URL: [https://imwerden.de/pdf/chukovsky\\_ss\\_v\\_15-ti\\_tt\\_tom13\\_2013.pdf?ysclid=misuydj8jl701371162](https://imwerden.de/pdf/chukovsky_ss_v_15-ti_tt_tom13_2013.pdf?ysclid=misuydj8jl701371162). Дата обращения: 18.11.2025.
18. Чупринин С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 1192 с.
19. Якимович А. К. Диагностика советской цивилизации в креативных практиках, 1960–1980 // Polish Journal of Science. 2020. № 29-1(29). С. 3-23. EDN: VOQAQW.

## **Результаты процедуры рецензирования статьи**

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является метафора исторического периода, получившего в научной и публицистической литературе название «Оттепель». Рефлексия – философская, социологическая, культурологическая – советской эпохи в целом и отдельных ее исторических периодов является важной частью современного научного и общественно-политического дискурса. Грамотное, взвешенное понимание происходивших в XX столетии событий, а не огульная их критика, как это было еще 20 лет назад, является условием и залогом устойчивого социокультурного развития в будущем. Кроме того, отечественная гуманитарная и социологическая науки достаточно спорадически обращались к изучению повседневных процессов в СССР. А вот западные исследователи опыт жизни в СССР анализировали регулярно, а результаты своих исследований интенсивно распространяли и в российской периодике. В результате мы получили очень ограниченное и спекулятивное знание о советском периоде, где главным подходом было сравнение советской эпохи с либеральными ценностями.

Рефлексия советского образа жизни и мышления осуществлялась активно в искусстве, прежде всего в кинематографе и театре. Это так же крайне важная веха в анализе прошлого. Но к творческой ретроспективе исторических событий необходимо добавить и аналитический научный экскурс.

Методология исследования строится на контекстном методе с элементами дискурс-анализа, лингвокогнитивного и герменевтического подходов. Применение данной методологии крайне продуктивно, т.к. позволяет выявить скрытые структурные смыслы и коннотации, определявшие восприятие данной эпохи.

Актуальность исследования определяется двумя векторами. Во-первых, применение контекстной методологии на слабоструктурированном эмпирическом материале – востребованный в отечественной научной литературе прием. Во-вторых, рефлексия такого сложного, противоречивого и неоднозначного периода как конец 50-х – начало 60-х гг. XX столетия отражает актуальную научную повестку. Научная новизна исследования связана с использованием контекстной методики исследования определенной исторической эпохи, а так же попыткой воспроизвести ключевые коды метафор, с помощью которых репрезентировался этот исторический период.

Стиль статьи характеризуется высоким уровнем научности и отличается логической строгостью, точностью и однозначностью формулировок. Автор демонстрирует глубокое знание дискурс-аналитической методики исследования текстов. Структура статьи соответствует требованиям, предъявляемым к научным работам, включая такие разделы как введение в проблему, основная аналитическая часть, заключительные выводы. Рассуждения автора подтверждаются историческими фактами, цитатами из автобиографических произведений, авторитетными концепциями в области социологии, культурологии, политологии.

Библиография работы исчерпывающая и отражает содержание статьи. Выводы работы, несомненно, имеют научную ценность и могут представлять интерес для специалистов самых разных научных направлений – от историков и культурологов до политологов. Так же выводы дискурс-анализа могут быть востребованы в практической работе – формулировании идеологических концепций, программ и пр.

Статья соответствует требованиям, предъявляемым научным публикациям.